

Нине Викторовне Горлановой

— Что ты хочешь на новый год? — спросил муж Марину. Она замялась. Паузы муж не переносил и тут же начал строчить:

— Платье? Хлебопечку? Новую микроволновку?

Новое тело, чуть не ответила Марина. Но удержалась.

Последнее время она все больше предпочитала молчать.

И слушать, что внутри.

Люди вокруг суетились, пытаясь замазать все, что им казалось некрасивым. Обрезали волосы, красили ногти, худели. Избавлялись от наскучивших отношений.

Как будто этими нехитрыми действиями можно что-то изменить.

«А что, если мысли тоже обрезать?» — вдруг подумала Марина.

— Ну ты решай давай, а я побежал, — заторопился муж, нашаривая в кармане ключи. «Или закрасить?»

Обижать мужа не хотелось.

— Пока, пап! — подбежал сынишка, ласкаясь. Папа по-деловому кивнул и бросил Марине:

— Письмо Деду Морозу не забудьте написать!

— Да-да, — уцепилась за протянутую соломинку Марина, — пойдём, Миша, напишем, пока тебе не надо в садик.

— Мам, ты что, веришь в Деда Мороза? — спросил поскуцневший мальчик. — В садике все говорят, что его нет... А почему папа опять работает в воскресенье? Вот у Вити папа на лыжах с ними в лес в воскресенье ходит.

Марина посмотрела на сына невидящими глазами и не ответила.

— Садись, я тебе молока налью.

Она встряхнулась и подбодрила его:

— Ты же любишь с шариками, вот, насыпай из банки, сколько влезет.

Но Миша почему-то не хотел много, вяло сыпанул себе на дно тарелки — шоколадные шарики не полностью закрыли плоских улыбающихся пингвинят.

Марина наклонилась над тарелкой кувшинчик — и молоко побежало вниз, ударяясь каплями о шоколад — прямо как в рекламе. Миша попробовал и сморщился:

— Мам, молоко какое-то кислое, я не буду...

Марина подняла на Мишу глаза.

— Пей давай.

— Мам, так оно испортилось...

— Ты что, — развеселилась она, — это же кисшее молоко — простокваша!

Она так обрадовалась, что произошло нечто не контролируемое ею в ее собственном доме. Что-то очень хорошее, о чем она сразу догадалась. Как будто бы нагрязнули невидимые гости.

И еще догадалась, что приходить они будут по частям.

Но сын, не верящий в Деда Мороза, упирался:

— Убери эту квашу! — хотя уже видно было, что поддался на ее веселье.

— Молоко не портится! — решительно заявила Марина, наблюдая за удивлением Миши. — Оно превращается! Сначала — в простоквашу. Потом — в кефир. Еще постоит — в сметану. А сметана — во что, думаешь? В масло! А масло если потопить, оно десятки лет стоять будет.

— А тысячи будет? — тут же вдохновился Миша. Ему хотелось, чтобы тысячи.

— Тысячи не будет! — еще больше развеселилась Марина. — Потому что оно вкусное и его съедят!

— Ух ты! Хочу потопить масла! — раскинул от полноты чувств руки Миша — и чашка из набора — тоже с пингвинятами — полетела на пол.

То, что беспокоило Марину больше всего в этом новом пластиковом мире, в котором все мы жданно-гаданно оказались — вещи перестали изменяться. Они только умирали, не перевоплощаясь.

Но тут-то процесс оказался снова запущен, и она без сожаления собрала осколки.

Сын приготовился к ругани и заранее сделал испуганные глаза. Марина, не затуманенная гневом, пригляделась и заметила торчащий из него механизм пережидания ее криков.

Марина осталась спокойна. Ну, есть механизм и есть. Вдруг завтра пригодится. Но сейчас-то все пошло не так, как планировалось.

— Знаешь, — обратилась она к запрограммированному сыну, — во что могут превратиться осколки?...

Этот день оказался хорош. Они долго наслаждались превращением осколков в мозаику, складывали по-новому, вертели так и этак.

Потом наткнулись блуждающей мыслью на цветочный горшок.

И горшок был одарен мозаикой — от всего их большого одного на двоих сердца.

Жалко было только, что папа в этом превращении не участвовал. Но они, разгоряченные поисками и раздобревшие на находках, милостиво расположили, что и ему на его работе превращения оказались не чужды.

Хорошее, как известно, цепляется за хорошее, как и плохое за плохое. Помахав сыну из-за ограды, Марина, вспомнив, вдруг крикнула:

— В шесть заберу! — и вернулась домой. Дома ее обуяла страсть к приборке — и, слов-

но взяв сил и от земли, и от солнца, и от деревьев, со всех сторон окружавших ее дом, она мыла, и чистила, и выметала углы, и оттирала плитку, и даже добралась до плафонов, покрытых пылью, которая, как известно, великий подсказчик.

С плафонов ее взгляд упал на детский столик, и она замерла, скользя глазами по обложке книжки, взятой вчера в библиотеке. Маленький мальчик стоял на берегу реки, заложив руки за спину. Он смотрел прямо перед собой, и Марина точно знала, куда. Она громоздилась на табуретке, поставленной поверх стула, под самым потолком, держа в руках мокрую тряпку, когда нос ее почувствовал запах речной воды. Резко потянуло ногу — Марина наклонилась, чтобы посмотреть, что там — и увидела, что в большой палец впился осколок стекла. Пришлось присесть на песок и подтянуть ногу к себе. Сначала Марина согнула ее назад — но так, вся изогнувшись, она не могла увидеть осколок отчетливо. Тогда она положила ногу на колено левой ноги, согнулась, как часовщик над точным механизмом, и почти клюнула носом свой большой палец. Осколок поддался. Марина удовлетворенно крикнула, плюнула на палец и размазала слюну погуще. Потом села на коленки и принялась сосредоточенно разрывать песок двумя руками. Она копала с таким рвением, что песок закончился и начался слой глины, куда и попал после некоторого размышления осколок цветного стекла. Быстренько забросав ямку, Марина отвернулась к реке и замерла, откинувшись назад и уперевшись руками в мягкую траву.

«Не хочу здесь оставаться, — думала 5-летняя Марина, постукивая кулачками по твердой земле. — Мне обязательно надо уплыть. Я сделаю лодку!» И она принялась чертить на песке какие-то решительные полосы.

В дверь забарабанили. Марина покачнулась на табуретке и чуть не упала. «Тысяча чертей!» — выругалась она и спрыгнула с грохотом всего своего 30-летнего тела на пол.

— Мам, это я, открой! — басил за дверью Миша.

— Ты что, сынок, из садика ушел?

— Вадька меня бил! Я ему тоже врезал!

— А с носом что?

— Это Данил сосулькой стукнул!

Марина достала крем, купленный в их прошлый приезд к бабушке, — собрание нескольких французских трав, составленное известной в тех местах травницей, которая ловко обращается с 50 наименованиями одновременно, и щедро натерла покрасневший уральский нос.

Расстроенный мальчик присел к ней на колени. Уже смеркалось. К вечеру люди становятся совсем нереальными, вот и сидевший у нее на руках человек шести лет казался каким-то мерцающим, словно сквозь него можно было при желании увидеть совсем по-другому устроенные структуры. Марина знала за собой это наваждение. Привычная мысль спокойно расположилась в ее голове, но одно из слов в этом предложении, предложенном ей, как куски хлеба на блюде, оказалось на этот раз больше других по размеру. «Желание» — этот кусок был гораздо больше остальных.

— Марин, собери мне сменку, я через час на вокзал! — отзвонился муж.

— Мам, сказку... — плаксиво-устало попросил Миша.

Марина открыла ту книжку, с мальчиком на обложке. Сердце ее взволнованно забилося.

«Когда я был маленьким, — неторопливо прочла она, — мы вместе с сестрой деда по отцовской линии, тетей Мариной, мирно жили на краю деревни в маленьком доме, бывшей ферме, одиноко стоявшей среди полей.

Тетя Мартина одевалась старомодно, носила набивные чепцы, платья в складку, на поясе у нее всегда висели серебряные ножницы. Она командовала всеми на свете: людьми, собакой, утками и курами. Меня же она распекала с утра до вечера. Между тем я был тихий, и, наверно, воспитывать меня было легко...»

А там, за поворотом, река. Марина покосилась на сынишку. Уставший Миша заснул мгновенно. Марина встала, положила книжку ничком и с тем же бьющимся сердцем стала собирать в сумку немного одежды для ко-

мандировки. Она не боялась, что забудет, о чем собиралась подумать. В ее голове по-прежнему лежали куски огромных слов на тарелке, они занимали все пространство, и ни одна новая мысль не могла бы туда попасть.

Это произошло три месяца назад.

Над дачным домиком вставала полная, яркая, светящаяся Луна.

«Говорят, это корабль пришельцев...» — сказал Миша из кресла. Спать ему не хотелось, и он пытался заболтать родителей, чтобы не отправили в постель.

«Глупости!» — отозвался папа.

«А еще говорят, что Луна всегда повернута одной и той же стороной к нам», — подначила Марина.

«Все спутники планет всегда повернуты к своим планетам одной стороной. Ни с Марса, ни с Юпитера, ни с Сатурна нельзя увидеть обратную сторону их спутников», — внес ясность муж.

«А с другой стороны можно увидеть?» — сообразил Миша.

«В смысле?»

«Ну, если с одной планеты смотреть на спутники другой...»

Разговор увлек всех, и Марина, взбивая подушки, думала благодарно: «Не хочу забывать это мгновение! Не хочу забывать этих близких и дорогих мне людей и наши прекрасные разговоры! Не хочу забывать эту жизнь!» В каком-то необъяснимом порыве она подняла руки к небу и попросила жарко: «Пожалуйста, я хочу помнить! Я хочу, чтобы моя память была всегда со мной!»

Порыв внезапно иссяк, и она замерла, оглушенная произошедшим. Что-то она явно натворила сейчас, но что именно, ей было самой непонятно.

Сначала ее стал мучить запах. Откуда-то все время доносился запах жареного мяса.

Запах делился на ингредиенты — тут лук, пасированный в сливочном масле, тут сладкий перец, добавленный позже, тут умопомрачительные специи — и тушеная баранина, которая много часов томилась в какой-то высокой конусообразной посудине.

«Душа моя, ты же, вроде, вегетарианка?» — ласково спросил ее муж, когда она в ресторане вдруг заказала мясо в горшочке.

«Не знаю, что со мной происходит», — рассеянно отозвалась Марина, глядя на принесенное блюдо.

Вкус, цвет и запах тушеного мяса был не тот.

Тогда она накупила баночек со специями и принялась добиваться того, прилетевшего на каких-то неведомых ветрах запаха и вкуса.

На форумах она искала рецепты.

Она перебирала, как перчатки, кухни разных стран и народов.

Марина будто бы превратилась в собаку-ищейку, которой дали понюхать улику, но собаку, которая не видела того, кто протягивает ей эту самую улику, и не знает, куда ведет ее запах — к жизни или к смерти.

Вслед за запахом стали накатывать волны красок — насыщенные, яркие цвета — полно-красный, глубокий бордовый, раскаленный песочный.

Городская мэрия чудила и устроила на эспланаде — огромной пустующей площади посреди города — фестиваль разных культур. После прыгания по деревянным чуркам, передвижения гигантских шахматных фигур и пускания пенопластовых кораблей по построенным в круговую каналам семейство завалилось во времянку ресторана африканской кухни.

Марина утопла в подушках и, перебирая шерстяные кисточки привычным жестом левой руки, заправски пила чай со специями из серебряного стаканчика. Серебряные подносы, запах зеленого кардамона, настоящего в воде, от которого вкус воды становится как будто мягко-молочным, — все это достав-

ляло ей удовольствие, давно забытое. В этот момент она вдруг сказала себе: стоп!

Ее голова разделилась на две — одна повернулась к другой и спросила: что это? Почему тебе тут так привычно? Ответа не было.

Потом пришла музыка. Певец на неизученном языке приносил свою высоко взлетающую песню в дар любимому городу. Далекий город, построенный легендарным царем, вот уже больше полутора тысяч лет продолжающий свое круговращательное движение, раскинулся в волнах этого гимна так, будто Марина в нем родилась и выросла, глаза на неподвижных сфинксов. Ей захотелось присоединиться к этому улетающему вверх голосу, потом расплестись по земле, раскинув в стороны руки и ноги, стать знаком звезды, потом вскочить и начать кружиться — сбрасывая с себя слой за слоем пыль, ограниченность и грязь, за века налипшие на этом прекрасном имени.

Песня звучала как прощание, несмотря на то, что она навечно оставалась в твоём сердце.

Эти два чувства — обретение и потеря — как бы спорили между собой и разрывали на части Марино существо. Как будто с сумасшедшего расстояния неведомая, давно забытая мать тянула к тебе руки, желая прижать тебя к сердцу.

Марина, не зная, как сбросить с себя навязание, принялась переписывать текст песни. Значки когда-то как будто ведомого языка, ставшего на 30–40 лет родным, казались также желанными, написание их доставляло странное удовольствие, но смысл не возвращался, оказавшись один раз утерянным. Этот язык был частью флакона, который Марина, видимо, по своему желанию вскрыла той ночью, когда она захотела не забывать.

Обладать памятью.

Вспомнить все, что раньше хотелось забыть.

Кем она была тогда? И что она так тщательно старалась забыть?

Была ли она преступником, который обязательно, в «конце концов» — во времена, апокалиптические для него, — вернется на место преступления? Или жертвой, которая виновата не меньше, чем преступник, раз уж попала в этот узел хитросплетений?

Она знала теперь, что однажды уже возвращалась туда. В облике писателя-одиночки, чудака-француза, который, получив ранение, не стал лежать на больничной койке, ожидая окончания Первой мировой, а кинулся вдогонку за остатками Александрийской библиотеки. Писателя, который и во времени, и в пространстве переместился, чтобы разгадать самого себя.

Ей уже было знакомо это чувство — напряженного поиска и приближения скорой разгадки.

Но вскоре за нахождением разгадки следует новая загадка — и полной картины так и не удастся достичь. Ее опыт подтверждал, что вселенная не голограмма, иначе бы в маленькой части ответа содержался бы весь ответ. Или то пространство, в котором все происходило, уже не работало по законам известной нам вселенной?

Иногда, чтобы привести человека к чему-то сохраненному забытому, но которое он силится вспомнить, приходится что-то другое разрушить — если человек развил чувствительность, то разрушений достаточно маленьких — перегоревшая лампочка, упавший на пол стакан. И вот он идет в кладовку за новой лампочкой — и натывается на альбом с фотографиями или нужную книгу. Поднимает осколки стакана и глазами упирается в напоминающий нечто развод на обоях.

А если чувствительность невысокая, то резких падений не избежать. Но в итоге он все равно найдет ответ. Если спросит.